

В деревенском пабе, несмотря на воскресный вечер, было свободно и тихо. Одни из немногих посетителей - двое мужчин из одного клана, не местные - расположились за отдельным столом в самом укромном углу. Один из них сильно волновался, нервно мял в руках собственный берет, и, кажется, искал в себе силы для того, чтоб начать важный разговор. Второй поглядывал на своего друга с тревогой и нетерпением. Наконец, он не выдержал и прервал молчание.

- Ну что, Броди, не томи, тебе же что-то от меня надо. Выкладывай, дружище!

Тот, кого звали Броди, оставил в покое свой берет.

- Это... Фингэл... в-общем... я хотел... Да, - решился он наконец. - Расскажи мне про ведьму.

- Про ведьму? - удивился Фингэл. - А ты что, сам не знаешь?

- Да нет, но, - Броди снова принялся мучать берет. - Но ты-то... в-общем... вы ж с ней вроде это... даже любовничали вроде, и эээ...

- Вот братишка у меня всем на зависть, вот трепло, а! - мужчина хлопнул себя по колену. - Говорил же ему, никому не слова! Ладно, что вспомню - расскажу, а ты мне расскажешь потом, зачем она тебе понадобилась. А то тебя вот аж трясет всего.

Фингэл отхлебнул пива из кружки, собираясь с мыслями, а его друг уставился на него, пытаясь не пропустить не одного слова.

- Помнишь, мы еще когда сопляками были, к нам в деревню часто старая ведьма захаживала? Вечно в каком-то рваном тряпье, скрюченная, старая. Нас еще мамки пугали, мол, будешь баловать, придет старая Бэрэбэл, залезет ночью в окошко, вытащит самого непослушного и к себе в лес утащит, снадобья из него варить, чтоб молодой стать. Озорные мальчишки в таком снадобье - главный этот, как его... компонент.

А потом стала с ней к нам девочка приходить, наша ровесница. Бес знает, где ее ведьма взяла, может, и вправду украли. Нам с ней играть не разрешали, да она и сама не хотела, ходила за Бэрэбэл хвостом, а та ей все что-то рассказывала. Бывало, старая сорвет в огороде сорняк, покажет его девочке, и талдычит о чем-то часами. А та только слушает и кивает.

Так, в общем, и было. Как у кого-то нужда, приходит ведьма, а с ней девочка эта. И раненых помогала ведьме штопать, и роды принимать, и заговоры за ней повторяла. Ну, кто присмотрится, тому видно - решила старуха перед смертью знание передать колдовское.

А как нам уже по тринадцать стукнуло, и как-то не до игр стало, ведьма куда-то пропала. Вроде и нужна, а нету. Ходили звать, а хижину ее не нашли. Поп тут же орать, что вот, бог нашу землю бережет, отвалил бесовское отродье, бабы радуются, что никто порчу на молоко не наведет, а кто-то и плачет тихонько, потому что нет старой, чтоб раны заговорить, а без этого кто-то помрет молодым. Ну да ладно, я не о том.

В общем, был я молодым и глупым, семнадцать мне тогда было, и к жене еще не посватался, приглядывался только, взял лук и пошел охотиться. Не повезло: дело к ночи, никого не подстрелил, волки воют, а самое страшное - как к дому выйти - черт его знает! Оглядываюсь вокруг и вижу вроде как окно светится. Я туда. Выхожу на полянку, там дом стоит, весь гнилой - на чем только держится! А на пороге, вот ей-ей, стоит девочка эта, которая с ведьмой была. Только выросла уже, все при ней, и бедра, и груди, и волосы

распустила, и глазищи такие ... пронзительные. Я на нее смотрю, а она на меня. Прямо как мысли читает. "Здравствуй, - говорит. - А я знала, что ты придешь". "Это, конечно, здорово, - отвечаю. - Но как бы мне домой попасть?". А сам понимаю, что и домой мне уже не хочется, очаровала, ведьма. "Туда, - и рукой показывает. - Только ты все тяжелое здесь оставь, так от волков убежать легче. А если хочешь, оставайся гостем, завтра с рассветом пойдешь". И тут я наглости, значит, набрался и спрашиваю: "А тебя как зовут?". "Гленна", - отвечает. "А меня Фингэл. Так я могу погостить?"

Ну я и остался. А кровать, знаешь, в той хижине одна. В общем, само оно все получилось, да и она первая ко мне прильнула. А я у нее, кстати, первым был. Уснул только под утро, а как солнце в окно заглянуло, так она меня разбудила, накормила и показала дорогу домой. А я опять обнаглел и спрашиваю, мол, а можно еще прийти? Она плечами пожала и говорит: "Приходи, если хочешь". Пошел я домой, а на душе так тепло, как влюбился. А может, и вправду влюбился. Иду и повторяю: Гленна, Гленна. Вернулся, а меня аж распирает, кому-то надо рассказать. Рассказал брату, кто ж знал, что он таким треплом окажется, хоть бы до супруги моей не дошло!

И я после того к ней зачастил. И уже думать начал, что вот брошу все, и девушку, которую в жены выбрал, и мать с отцом. Уйду в лес, к ведьме жить, раз она меня так околдовала, будем с ней по ночам на помеле летать, в волков оборачиваться и на луну выть. Долго решался, и решился. Думаю, вот пойду к ней сегодня и скажу, мол, Гленна, люблю тебя всем сердцем, все ради тебя бросить готов, позволь мне с тобой остаться. Если в Иисуса веруешь, то пусть нас поп обвенчает, если нет, то будем во грехе жить, я ради тебя и душу бы свою бессмертную продал.

Прихожу к ее хижине, смотрю, что-то не так. Она меня всегда на крыльце встречала, а теперь внутри сидит. Вхожу в дверь, вижу, моя Гленна, лучину зажгла и книгу читает, ко мне спиной сидит. Я только воздуха набрал, чтоб ей во всем признаться, а она, не поворачиваясь, мне говорит: "Ты, Фингэл, больше не приходи. Мне больше не нужно". И как холодным ветром от нее подуло, хотя в хижине огонь горел. И как отрезало. Расхотелось отчий дом бросать, и девушка, к которой посвататься до того хотел, сразу такой родной сделалась. Ушел я оттуда, на следующий же день супруге будущей руку предложил, а про ведьму и забыл как-то.

Она с тех пор, как мы с ней любились, перестала в хижине прятаться, стала ходить, людям помогать, поколдовывать. Кто-то поговаривал, что это старая наша ведьма, только испившая снадобья из озорных мальчишек, но я точно знаю, что это не так. Что Гленна это, старой Бэрэбэл ученица. Иногда судьбу кому-нибудь предсказывала, иногда раны штопала. А на меня не смотрела даже. Семь лет прошло, как я с ней говорил последний раз.

Сейчас вроде никуда не делась, только вроде не одна живет. Приютила кого-то, кого - не знаю.

- Ааа... - Броди слушал историю своего друга с раскрытым ртом, но сейчас как будто бы испытывал разочарование. - А ты скажи, она какая? Ну, по нраву?

- Да как бы это, - ответил Фингэл. - Себе на уме она, вот. По ней и не поймешь. Но вроде добрая, у кого нужда большая - поможет, и плату не возьмет. Умная еще, я у нее книжки видел про растения и про то, как болезни лечить, и еще много каких, только они

без картинок, я и не понял, про что там. Христианка, хоть ее наш поп бесовским отродьем зовет, а я сам видел, что у нее крест есть, и молится она иногда. Людей хорошо понимает, если кто-то со злым намерением, даже разговаривать с ним не станет. В общем, она хоть и странная, но бояться ее не стоит.

- Фин, а когда ее помощи просишь, что она взамен берет?

- Иногда ничего не берет. Иногда просит платье ей сшить, или корзину сплести, или нож отковать. Иногда деньги берет, но больше, чем можешь дать, не попросит. А иногда что-то странное требует, например, там, за ее здоровье помолиться или с трех черных овец по клоку шерсти срезать и ей принести. А что у тебя стряслось-то?

- Да жена у меня... - Броди, уже успокоившийся, снова занервничал и принялся вертеть в пальцах фибулу, заговорил быстро и отрывисто. - Жена у меня, ей через две недели рожать. Мальчик вроде должен быть. А все бабки говорят, что плохи у нее дела, и может ребеночка мертвого родить. Или сама погибнуть. Говорят, все в божьих руках. Не хочу ни жену терять, ни сына. Вот и решил. Пусть мне ведьма поможет. А этих повитух я и на порог не пущу.

Крики стихли. Женщина прижала к груди своего новорожденного сына и задремала. Ведьма, все еще шепотом повторяя строки заговора, устало откинулась, оперевшись спиной о стену. По ее лицу стекали капельки пота, руки мелко дрожали.

Открылась дверь. В нее скользнула семилетняя девочка с кувшином в руках. Ведьма с ее помощью вымыла руки, вытерла их чистой тряпичкой, проверила, все ли в порядке у роженицы. Все было в порядке.

Медленно, едва не пошатываясь от усталости, Гленна вышла во двор, где ее уже ждал, переминаясь с ноги на ногу, тревожащийся Броди. За оградой собрались деревенские повитухи и просто зеваки. Первые осыпали ее проклятиями, вторые прожигали любопытными взглядами, пытаясь, видимо, разглядеть рожки и хвост, которые, по слухам, есть у каждой ведьмы. Гленна не обращала на них никакого внимания.

- С твоей женой все хорошо. А твой сын вырастет здоровым и сильным, - успокоила Броди ведьма. - Ты хороший отец, и пока они с тобой, им ничего не угрожает.

- Спасибо, госпожа.

- Я не госпожа, - отрезала ведьма. - Помнишь, тебе говорили, что погибнет кто-то один из них - или женщина, или мальчик? Они были неправы, погибнуть должны были оба, я видела это. Я сохранила для тебя две жизни, и хочу за это плату.

- Все, что угодно! Я все готов отдать! - в глазах Броди страх за жизни близких сменялся радостным облегчением: теперь все будет хорошо.

- Я сохранила для тебя две жизни, Броди, - повторила Гленна. - И я хочу одну взамен. Всего одну, - она выдержала паузу, во время которой на лице ее собеседника опять появился страх. - Та девочка, которая носила мне воду, это твоя старшая дочь? Мне нужна ученица и помощница. Не сейчас, может, через год, а может, через три, я приду посмотреть на нее. И, если она мне понравится, заберу ее с собой. С ней все будет хорошо, обещаю, что не дам ее в обиду. Но когда я приду, ты не посмеешь мне отказать.

Не говори ей ничего пока, я сама ей все объясню, если будет нужда.

Ведьма собрала свои вещи в сумку, забросила ее на плечо и пошла к лесу, очень скоро исчезнув в поздних сумерках. А Броди остался у дверей своего дома, разрываясь между радостью за свою жену и новорожденного сына и тревогой за подрастающую дочь, которую ведьма в любой момент сможет забрать и увести за собой. И он знал наверняка, что если такой момент настанет, то он действительно не посмеет ей отказать.